

Рубини — великим актером. Объективной цены этот отзыв не имеет никакой, но он характеризует и Белинского, и время. Наше полное музыкальное невежество объясняет, каким образом ничтожная пьеса могла так глубоко подействовать на Белинского и вызвать то горькое чувство, которое лежало в душе каждого в то время. Оно объясняет и огромный успех Лермонтова и Некрасова, — гораздо больше, чем их действительные поэтические достоинства.

Наконец в 1843 году я оставил Петербург почти с таким же сожалением, с каким оставлял Москву, чтобы переехать в Петербург. К кружку, к Белинскому я привязался всей душой. Связи с ним после того никогда не прерывались. С Белинским они еще укрепились дружбой с Герценом, Грановским, Кетчером, Е. Коршем и другими членами московского кружка, которого Белинский был членом*.

К.Д. Кавелин

КРУЖОК И.И. ПАНАЕВА**

Дом Ив. Ив. Панаева был сосредоточием передового литературного кружка того времени. Это сосредоточие являлось, главным образом, следствием притягательной силы, которой обладал Белинский, и характера Ив. Ив., искренно, горячо и бескорыстно преданного литературе, а равно и приветливости его как хозяина дома.

Ив. Ив. и Белинский были искренними друзьями, причем дружбу Ив. Ив. можно было сравнить с востор-

* Ценные подробности о Белинском сороковых годов см. у И.И. Панаева «Литературные воспоминания» (изд. Academia).

** Воспоминания *Валериана Александровича Панаева*. «Русская Старина», 1901, сентябрь, с. 481—505.

женной любовью, подобной той, какую питают к женщинам.

Но в чем заключалась притягательная сила Белинского, — это вопрос весьма небезынтересный.

Белинский в действительности не обладал ни особенными знаниями, ни начитанностью, не знал даже иностранных языков, а между тем он приобрел небывалый ни прежде, ни после него авторитет как среди создававшегося тогда свежего литературного круга, так и среди интеллигентной, читающей публики.

Не столько ум и логика обусловили его силу, сколько совокупность их с нравственными его качествами. Это был рыцарь, сражающийся за правду и истину. Это был палач всего искусственного, деланного, фальшивого, неискреннего, всяких компромиссов и всякой неправды, где бы таковая ни являлась. При этом он обладал громадным талантом, редким эстетическим чувством, страстной энергией, жгучим словом, горячею возвышенною душою, восторженностью и теплейшим, деликатнейшим и отзывчивым сердцем во всем. Словом сказать, его можно назвать: *могучий критик-поэт*.

По моему глубокому убеждению, в перечисленных мною свойствах и заключалась притягательная сила Белинского. Я знал Белинского в течение девяти лет до дня его смерти, и во все это время я не подметил в нем ни одной черточки, которая показывала бы, что он признает за собою необыкновенную силу и влияние на других. Он так был естествен во всем, что можно с уверенностью сказать, что ему и в голову не приходило анализировать главные причины своего влияния, которыми и не помышлял кичиться. Если бы он подметил в себе эту кичливость, то, конечно, казнил бы сам себя.

Мы можем гордиться немалым числом являвшихся в нашем отечестве великих литературных талантов,

как Державин, Фонвизин, Грибоедов, Достоевский, Некрасов, Тургенев, Толстой, Григорович, Гончаров, и великих гениев, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов; но мы имели одного великого критика — Белинского.

Значение Белинского и влияние его на литературу громадно; но это влияние до сих пор еще не оценено должным образом. Все, что подлежит развитию, — требует питания. Зерно, попавшее на хорошую почву, хотя и даст росток, но затем погибает. Чтобы он развился, надо питать его или пересадить на хорошую почву и уничтожить растущий около него бурьян, который иначе заглушит росток. Достоевский, Некрасов, Тургенев, Толстой, Григорович, Гончаров и Ив. Ив. Панаев суть дети Белинского, его вскормленники.

В 1842 году Ив. Ив. Панаев жил у Аничкова моста в доме Лопатина. В том же доме жил и Белинский. По субботам у Ив. Ив. собирались литераторы, а также прилепившиеся к литературе и, вообще, знакомые. Из числа литераторов помню князя *Одоевского*, *Соболевского*, *Башуцкого*, которые бывали редко; графа *Соллогуба*, бывавшего довольно часто; *А. А. Комарова*, воспитателя юношества и преподавателя русской словесности в военно-учебных и других заведениях; *Вас. Петр. Боткина*, когда он бывал в Петербурге; *Кетчера*, переводчика Шекспира, пока он не возвратился в Москву; *Анненкова*, впоследствии издателя сочинений Пушкина; *Брандта*, писавшего великолепные повести и романы, который несколько лет спустя был изображен карикатурой в литературном сборнике, приложенном к «Современнику» 1849 года, в виде Наполеона I, потому что претендовал на некоторое с ним сходство.

Из знакомых Ив. Ив. помню *Ник. Петр. Боткина*, брата Василия Петровича; *Маркевича*, который не занимался еще тогда литературой; *А. С. Комарова*, инженера, профессора в институте путей сообщения; офице-

ра Московского полка *Булгакова*, известного в то время всем своим остроумием и оригинальными шутками; молодых красавцев: лейб-гусара *Полторацкого*, царскосельского кирасира *Ольховского* и морского флигель-адъютанта *Колзакова* и затем полковников литературы: *Маслова*, *Кульчицкого*, *Тютчева* и друга Ив. Ив. — *М.А. Языкова*; последние были постоянными посетителями суббот.

В скором времени кто-то привез Ив. Ив. из Парижа краткую историю революции конца прошедшего столетия, о которой русское общество, за исключением тех немногих лиц, которым случалось бывать за границей, не имело никакого сколько-нибудь верного представления; даже литературный мир пребывал в этом отношении в неведении, так как абсолютно ни одно историческое сочинение, относящееся к этой эпохе, не было допущено к продаже в России.

Кроме означенной истории, Ив. Ив. досталась газета «*Moniteur Universel*» того времени, конечно, далеко не в полном составе, но все-таки имелось множество номеров, относящихся до более важных моментов революции. В эти номера были завернуты разные предметы, вывезенные из-за границы, и таким образом они и очутились в Петербурге.

Когда Ив. Ив. имел уже в руках поименованные источники, у него тотчас же родилась мысль перевести для Белинского историю революции, вставляя для полноты выборки из «*Moniteur Universel*». Он сообщил Белинскому, что будет читать по субботам все, что успеет перевести и скомпилировать за неделю. С тех пор характер этих суббот изменился; все интересующиеся вопросом стали собираться раньше, чтобы успеть прослушать чтение до прихода менее интимных лиц, которым, впрочем, так или сяк давали почувствовать, что посещение их не совсем вовремя, и в конце концов по-

сещение этих людей сделалось гораздо реже.

К концу зимы перевод Ив. Ив. подходил тоже к концу, и вот к одному вечеру он приготовил перевод знаменитой речи Робеспьера о «Существое высшем», дословно помещенный в «Moniteur Universel». Замечу здесь, что впоследствии я не встретил ни в одном из обширных сочинений о революции полного текста означенной речи. Даже в громадной специальной истории Робеспьера, сочинения Hamel'a, обнимающей более 2000 стр., означенная речь помещена отрывками, а не дословно, причем выброшены некоторые выражения, не понравившиеся, по-видимому, автору.

Упомянутая речь Робеспьера произвела на Белинского и на всех слушателей поражающее впечатление своим содержанием, совершенно неожиданным для нас. В тот же вечер я упросил Ив. Ив. дать мне списать прочитанную им речь. Ив. Ив. согласился с тем, чтобы я завтра же до обеда доставил ее обратно. Речь была так велика, что пришлось переписывать ее, вследствие данного краткого срока, втроем; принялись за это — я, мой брат и товарищ Кусаков. Я сохранил эти листки до сих пор*.

Перед своею смертью Ив. Ив. отдал мне на память всю составленную им для Белинского компиляцию французской революции, обнимающую пять лет, с 1789 года по 1794 год, которая и хранится ныне у меня. Эта рукопись могла бы составить книгу до двадцати печатных листов. Кроме этого, Ив. Ив. передал мне и разные другие переводы, делавшиеся им для Белинского, из Леру, Жорж Занда и других писателей, которые тоже сохранились отчасти у меня.

Пусть же поставит себе читатель вопрос: какова же была привязанность и любовь к Белинскому у людей,

* Подробности об этих чтениях в VII главе «Литературных воспоминаний» *И.И. Панаева* (изд. Academia).

его знавших, чтобы человек не праздный, а сам для себя трудящийся, посвятил почти полгода бескорыстно-го труда для того только, чтобы дать возможность Белинскому ознакомиться с тем, что в его роли писателя-критика ему нужно было знать.

Итак, известный небольшой кружок здесь в Петербурге ознакомился еще в начале 1843 года дословно со знаменитой речью Робеспьера, тогда как я впоследствии встречал множество французов, даже из мира писателей, которые хотя и слышали о ней и об ее содержании, но самой речи не читали.

Вскоре появился у Ив. Ив. Панаева *Иван Сергеевич Тургенев*. В это время он только что напечатал свою первую поэму «Параша».

По внешности Тургенев был очень представительный молодой человек, большого роста, весьма приятной наружности, с особенно мягкими глазами, характеризовавшими его лицо. Он принадлежал к родовой, богатой семье, получил блестящее образование, побывал уже за границей и посещал высший круг. Помню, как теперь, что я увидел Тургенева у Ив. Ив. первый раз приехавшим после светских визитов и одетым в синий фрак с золотыми пуговицами, изображающими львиные головы, в светлых клетчатых панталонах, в белом жилете и в цветном галстуке. Такого рода была в то время мода.

Вообще в Тургеневе заметна была еще тогда худость, а также замечалось желание рисоваться, отсутствие искреннего жара и, тем более, пыла. Во всем была сдержанность, но выступала одна черта — это пренебрежение ко всему, что отзывалось Россией, условий жизни которой он, видимо, не понимал, не знал и в них не вдумывался. Заметно было еще в разговорах самое поверхностное отношение в беседах по вопросам, ни на чем твердо ни останавливающимся,

нечто вроде порхания или фланерства мыслей.

В то время и Евгений Онегин Пушкина служил образцом для молодых людей, находившихся в условиях, подобных тем, в которых находился Тургенев, и потому весьма натурально, что он желал походить на героя пушкинской поэмы. Многие старались ломать из себя Онегиных, но они являлись по преимуществу карикатурными, чего никак нельзя было приписать Тургеневу. В нем было столько общего по всем условиям с Онегиным, что его можно было признать за родного брата пушкинского героя.

Вследствие высказанных мною особенностей характера будет понятно, что Тургенев смотрел на всех свысока и в манерах его обращения с людьми было заметно вначале некоторое фатовство. Это, конечно, не могло нравиться тому кружку, где он появился, и Белинский, по природной своей прямоте не терпящий ничего деланного и искусственного, стал без церемонии замечать Тургеневу при всяком подходящем случае о том, что могло коробить присутствующих, конечно, если не было при этом не интимных людей.

Вот, например, эпизод, случившийся со мною. Но прежде изложения этого эпизода я должен сказать, что в литературном кружке, собиравшемся у Ив. Ив., все, за исключением Белинского, смотрели на людей, носящих эполеты, с явным предубеждением. Один Лермонтов не мог разрушить в этом кружке предвзятого предубеждения. Коль скоро офицер, — значит неразвитой человек, не знаком с философией, т. е. с наукой. Разговоры о философии и науке подымал преимущественно В.П. Боткин. Он начитался Гегеля и еще кое-чего и ввиду того, что другие были мало знакомы с тем, чего начитался Боткин, он придавал себе вид мыслителя, и ему многие в то время верили на слово.

— Наука, батюшка, наука, — повторял он на каж-

дом шагу. — Без нее нельзя ступить ни шагу ни в искусстве, ни в литературе.

Он был положительно смешон своею напыщенностью знания будто бы философских истин. Вообще разговоры о науке, возбуждаемые Боткиным, представляли отчасти комическую сторону кружка. О какой науке рассуждали в нем, это остается «темной водой во облацах». Итак, офицеры рассматривались в кружке как люди, которым не могут быть доступны таинства науки, которую, однако, никто из кружка не мог формулировать хотя бы малейшей черточкой.

Тургенев, посещая Ив. Ив., где не раз встречал меня, причем никогда не только не здоровался, но и не кланялся мне, несмотря на мои близкие отношения к хозяину дома. По всей вероятности, Белинский подметил это. Я был в то время очень молодым офицером.

Однажды я находился у Ив. Ив., где был и Белинский. Во время своих разговоров он любил ходить по комнате. Я сидел. Белинский остановился передо мною и что-то говорил. В это время пришел Тургенев, подошел к Белинскому, поздоровался с ним, стоя глаза-глаза передо мною, но не поклонился мне. Белинский тотчас же взял Тургенева под руку, прошелся с ним раза два по комнате и опять остановился передо мной, продолжая держать Тургенева под руку.

— Знаете ли вы, Тургенев, кто это сидит?

Тургенев вставил монокль в глаз, взглянул на меня с высоты и выразил на своем лице недоумение.

— Знайте же, Иван Сергеевич, это сидит Остап! да! Остап!

Затем Белинский повернулся и отошел. В то время Тарас Бульба чрезвычайно высоко ценился как в обществе, так и в литературном мире, и будет, конечно, цениться еще долгое время. Более деликатно, более умно и более находчиво нельзя было поступить, как посту-

пил Белинский. С тех пор Тургенев не только здоровался со мною, но сделался весьма предупредительным при встречах и стал вступать в разговоры.

Приблизительно к тому же времени относится и увлечение Белинского карточной игрой. Втянули его в эту игру Капгер и Кульчицкий.

Белинский, как человек увлекающийся, увлекся этой игрой и, по выходе ежемесячно в свет номера «Отечественных Записок», несколько дней с азартом предавался карточной игре, которая являлась отдохновением мысли, что совершенно верно для людей постоянно трудящихся.

Когда я застал первый раз Белинского за зеленым столом, то ужасно удивился этому. Затем по субботам у Ив. Ив. Белинский всякий раз играл в преферанс. Постоянными его партнерами были: Кульчицкий, Тютчев и Маслов; иногда по необходимости заменяли их Ив. Ив. и Языков, которые тоже не имели никакого призвания к игре, как и Белинский, и все они обучались еще игре в преферанс.

По поводу карточной игры я приведу один курьезный эпизод. Однажды Тургенев, заставши компанию за игрой, сказал:

— Что вам за охота играть в скучный преферанс; если хотите, я вам покажу преинтересную игру квинтич, в которой могут принять участие по желанию все здесь присутствующие, только надо иметь не менее четырех колод и даже более, смотря по числу играющих. Мы будем играть по маленькой и назначим куш в 10 копеек.

В предложенной Тургеневым игре приняли участие человек 10, если не более.

После первого пробного тура без денег для ознакомления с игрой тотчас же назначили первоначальный куш в 10 коп., при первой же раздаче по одной карте, так что всякий получивший эту карту, хотя бы найдя ее

неудобной для дальнейшей покупки и бросил ее, был уже обязан заплатить 10 копеек.

Но после первого тура настоящей игры некоторые проиграли уже десятки рублей. Игра приняла серьезный оборот, и в скором времени пошли куши в 100 рублей и достигли 200 рублей. И когда в одну из следующих сдач двум лицам пришел счет по 15, и, дошедши до 200 рублей, один из них объявил 400 рублей, то все опомнились, запротестовали, сказали, что дальше 200 рублей идти соперников не допустят, и пригласили их вскрыть карты.

Играли долго, чуть не до утра, Белинский был в проигрыше более 100 рублей. Он игры не прекращал, а выигравшим бросить игру было, конечно, неловко. Белинский проиграл в общей сложности с лишком 200 рублей. Он вскочил и, вынув сторублевую бумажку, сказал:

— Довольно, больше со мною денег нет, заплачу послезавтра.

Затем, схватив шапку, обратился к Тургеневу:

— Ну, спасибо вам, Иван Сергеевич, за вечерок; как же вы, не зная характера игры, вздумали обучать ей? Кто же мог знать, что куш в 10 копеек обратится в сотни рублей и мог обратиться в тысячи, если бы мы не спохватились вовремя?

С этими словами Белинский ушел в сильном волнении.

Вечер этот произвел на всех удручающее впечатление. Все знали, что проигрыш Белинского в 200 рублей равнялся жалованью за месяц, получаемому им от А.А. Краевского, и что других источников для жизни он не имел и был уже в это время женат.

Тургенев был страшно сконфужен случившейся бедой по его инициативе. Все стояли молча, никто не мог еще собраться с мыслями. Вдруг легендарный миро-

творец всего кружка М.А. Языков сказал:

— Что, голубчики, не веселы, что вы головушки повесили? Все можно легко поправить, стоит лишь Белинскому отыгаться.

Слова эти, как молния, пролетели в ушах всех, и Тургенев немедленно пригласил всех присутствующих обедать к нему на послезавтра с тем, чтобы после обеда сыграть в квинтич. Все тотчас же сообразили, что таким образом по характеру игры всякий может проиграть столько, сколько сам приблизительно в выигрыше, и проиграть именно Белинскому.

Понятно, что Тургенев через день пригласил к обеду Белинского, которому, конечно, не было сообщено о предстоящей игре.

Иван Сергеевич жил тогда со своим братом, следовательно, у них было домашнее хозяйство. После обеда мы сели играть в квинтич без Белинского, который не хотел играть, но, наконец, его уговорили.

Таким образом Белинский мог отыграть приблизительно весь свой проигрыш, не получив ни малейшего сознания о том, что играющие действовали умышленно. Этот заговор остался, конечно, тайной навсегда.

Весной 1844 года субботы у Ив. Ив. прекратились, и он задумал ехать за границу.

Зиму 1845 года Ив. Ив. провел за границей и, вернувшись оттуда, поехал в деревню, откуда прибыл в Петербург уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. В это время появились три новые литературные личности, а именно: *Некрасов*, *Достоевский* и *Григорович*. Среди знакомых появилось новое для литературного кружка лицо: *Григорий Михайлович Толстой*, которого я знал с детства. Это был образованнейший человек и в полном смысле джентльмен как в жизни, так и по характеру и по манерам. Толстой проводил постоянно время

за границей, где и познакомился с ним Ив. Ив. Он только что приехал оттуда и жил некоторое время в Петербурге до отъезда в свою деревню Новоспасское, Казанской губернии, Лаишевского уезда, куда и пригласил на лето Ив. Ив. с женой, а также Некрасова, для дивной охоты на дупелей, которые водились в неисчислимом количестве в окрестностях означенной деревни. Во время пребывания в этой деревне Ив. Ив. решал вопрос об издании «Современника» и заключил по этому делу союз с Некрасовым.

В это время Некрасов готовил уже издание «Петербургского сборника», в котором должен был быть помещен первый роман Достоевского «Бедные люди». Белинский, Некрасов и Григорович знали уже этот роман по рукописи, и Ив. Ив. устроил вечер исключительно для прочтения еще рукописи этого произведения другим литераторам и знакомым.

Я присутствовал на этом чтении; читал сам Достоевский, тогда человек конфузливый, но его чтение произвело на всех потрясающее впечатление.

Я очень мало знал Достоевского. Быть может, не более десятка раз встретился я с ним, и никакого серьезного разговора вести с ним не случилось. Он скоро перестал бывать у Ив. Ив., вышел какой-то разлад, в котором последний не был ни в чем виноват. Причину разлада приписывали Тургеневу, и если я не ошибаюсь, то враждебность между этими двумя писателями продолжалась до конца их жизни*.

Итак, я не имею никаких данных для того, чтобы вывести какое-либо заключение о Достоевском из моих личных к нему отношений. Одно только можно было заметить даже в то короткое время, когда он посещал Ив. Ив., что Достоевский был очень раздражителен и щекотлив.

* См. Воспоминания Д.В. Григоровича (изд. Academia).

В пятидесятых годах появлялся у Ив. Ив. изредка *Фет*. Я ничего не могу сказать о нем, разве только то, что он был тучный человек. А как он попал в звание замечательного поэта, это загадка, которую пускай разгадывает критика. Общий жанр его творений очень ловко пародировал Ив. Ив. в своих «Записках нового поэта».

Впоследствии появились у Ив. Ив. *Дружинин* и *Дудышкин*. Это были тоже люди умные, образованные и весьма приятные*.

В.А. Панаев

САЛОН В.А. СОЛЛОГУБА**

Граф Михаил Юрьевич Виельгорский был один из первых и самых любимых русских меценатов; все этому в нем способствовало: большое состояние, огромные связи, высокое, так сказать, совершенно выходящее из ряда общего положение, которое он занимал при дворе, тонкое понимание искусства, наконец, его блестящее и вместе с тем очень серьезное образование и самый добрый и простой нрав. Совершенным противоречием ему являлась его жена, рожденная герцогиня Луиза Бирон. Это была женщина гордости недоступной, странно как-то сочетавшейся с самым искренним христианским уничижением... У графа Михаила Юрьевича раза два-три в неделю собирались не только известные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры, и начинающие карьеру газетчики (что в те времена было нелегкой задачей), и даже просто всякого рода неизвестные людишки, которыми Виельгор-

* См. еще Воспоминания П.П. Соколова в «Историческом Вестнике», 1910, август, с. 410—411.

** Воспоминания графа В.А. Соллогуба. — СПб., 1887.